

фантастическая  
*история*

Книги Ивана Оченкова  
в серии «Фантастическая История»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО  
ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ МЕКЛЕНБУРГА  
КОНЕЦ СМУТЫ  
ПУШКИ ЦАРЯ ИОАННА



МОСКВА, 2018

фантастическая  
история



Иван Оченков  
Пцшжи царя  
Иоганна

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
О-95

Серия основана в 2010 году  
Выпуск 133

**Оченков И. В.**

О-95 Пушки царя Иоганна: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 378 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2792-5

Волей судьбы наш современник оказался в семнадцатом веке в теле мелкого немецкого князька, каких в Священной Римской империи как грязи. И все вроде бы хорошо — кругом Европа, а только не сидится добру молодцу на ровном месте! Вот и понесла его нелегкая на родину в самый разгар Смуты. А вновь обретенные соотечественники подумали-подумали, да и выбрали иноземного князя своим государем. И опять все вроде бы хорошо: сиди смиренно и царствуй на славу, но, как сказал поэт, «покой нам только снится». На границах снова неспокойно, ибо обидно польскому королевичу, что московский трон ему не достался. И внутри страны, стоит только отвернуться, как разбаловавшиеся за время Смуты бояре так и норовят воткнуть нож в спину, крикнув: «Царь не настоящий!»

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Оченков И. В., 2018  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2792-5

## ПРОЛОГ

А бывали ли вы на торжище в Москве? А приходилось ли вам видать всякие диковины, что привозят заморские гости в стольный град? А пробовали ли вы всякие вкусности, что продают в обжорном ряду? Эх, сразу видно, что не бывали вы в Москве. Старики, правда, говорят, что раньше она была еще больше да краше, нежели сейчас, да кто те времена помнит-то? Вот Смуту, будь она неладна, помнят все. А чего, всего шесть лет прошло, как ополчение выгнало ляхов из Москвы, да пять — как государь Иван Федорович отобрал у поганых латинян обратно Смоленск. Ох, смел да удачлив новый царь русский, да и роду он высокого, шутка ли сказать, от Никлота — старшего сына Рюрика ведется, не то что всякие разные имеющие наглость именовать себя Рюриковичами! Вот за те пять лет, что прошли с его возвращения из похода, и расцвела Москва. Пепелища застроили, оскверненные поляками церкви освятили, и стала Москва краше прежнего. Купцы в нее потянулись почти сразу же. Потому как государь пуше всего не любит... ну, наверное, латинян, но после них, точно, больше всего он не жалует татей да душегубов. А потому всякий разбой он в Москве и ее окрестностях извел под корень. Нет, ну осталось, конечно, по малости, как без того, но все же разбойнички попритихли. Оно, по правде сказать, царев стольник Корнилий Михальский — сам первый на всю Святую Русь душегуб! Но царю сей беженец из Литвы верен и без его повеления никого не трогает. А вот разбойников да воровских казаков царь велел извести, и сей Корнилий тут постарался, ничего не скажешь!

И вот теперь купчишки со всего свету в Москву едут. Кто шелка драгоценные везет, кто злато-серебро, кто еще чего. Вот Ибрагим-персиянин коврами шемаханскими торгует, ну и всяким иным товаром, что из Персии-то везут.

— Смотри, красавица, какие серьги у меня есть! — зазывает он богато одетую молодую горожанку, гуляющую по рынку без сопровождения.

Ибрагиму чудно, что женщины тут ходят с открытыми лицами, а пуще того, что девушка — без присмотра мужчин. «Эх, заманить бы тебя в шатер, да увезти... — думает, прищипывая языком, купец, — такую красавицу самому шахиншаху в гарем продать можно». Но девица ничуть не заинтересовалась его предложением и равнодушно отвернулась.

— Вай, денег нет, так и скажи, — разозлился купец, — замуж выйди, пусть тебе муж серьги покупает!

— Вот ты своей жене и подари, — тут же откликнулась бойкая на язык горожанка.

Собравшиеся вокруг зеваки немедленно откликнулись на ее слова дружным смехом. Побагровевший купец хотел было выругаться, но заметил другого подходящего покупателя и передумал:

— Вай, боярин, купи серьги жене, не пожалеешь!

— Не женат я... — со вздохом отвечает ему молодой человек в богатом зипуне и собольей шапке, украдкой посматривая на отшившую купца красавицу.

— Вот купишь серьги — и посватаешься, — тут же подхватывает Ибрагим, — с таким даром ни одна тебе не откажет!

— Ой ли? — немного грустно усмехается тот и вдруг с озорной улыбкой обращается к девушке: — Скажи, красна девица, верно ли, что с таким даром любую можно посватать?

— Коли люб ей будешь, — неожиданно серьезно отвечает ему она, — так и без серег за тебя пойдет. А не люб, так и все злато мира не поможет, не то что серьги!

— Что ты такое говоришь, глупая женщина! — не выдерживает перс. — Где это видано, чтобы злато в любви не помогало!

Но девушка, не слушая его, уходит прочь. Молодой человек, которого Ибрагим назвал боярином, несколько оторопело смотрит ей вслед, очевидно готовый бежать за ней вприпрыжку. Затем взгляд его цепляется за украшение, до сих пор лежащее в руках купца. Серьги действительно чудо как хороши, и парень машет рукой:

— Сколько?

— Три рубля, — расплывается в улыбке Ибрагим.

— Сколько?! — едва не задыхается покупатель, но горожанка вот-вот скроется с глаз, и он не глядя кидает купцу кошель и, получив вожеленные серьги, бросается за ней.

Увы, девушки уже не видно, и он только что не бегом пытается ее нагнать. Вот закончилась рыночная площадь, и он бежит уже, забыв о степенности, по мощенной бревнами улице. Кажется, ее

ярко-красный платок мелькнул за ближайшим поворотом. Парень, громко бухая подкованными сапогами, пробегает по улице, но так никого и не находит. Растерянно глазееет он на окружающие его терема, пытаясь понять, куда она могла скрыться. Через минуту его догоняют холопы, ведущие под уздцы коня.

— Охти нам, княжич, — причитает один из них, — чего это ты удумал бегом бегать?! Да еще и один — а вдруг лихие люди?

— А не ты ли мне говорил, что при новом царе на Москве разбойников не стало?

— Так ведь оно раз на раз не приходится. А уж коли беда приключится, так что тогда делать? Что я тогда батюшке твоему скажу?

— Полно причитать, старинушка, — хлопает княжич по плечу старика, — скажи лучше, нельзя ли узнать, кто здесь живет?

— А чего там узнавать, — отзывается тот, — это стрелецкая слобода. Вон тот большой терем с лавкой — стрелецкого полуголова Анисима Пушкарева. За ним сразу двор стольника Корнилия Михальского, а вот этот — окольного Никиты Вельяминова.

— Чего? — едва не задыхается от удивления молодой человек. — Так они здесь живут?!

— Скажешь тоже, княжич, — искренне удивляется старик, — знамо дело, они все, кроме Пушкарева, в кремле живут в царских палатах, потому как они государевы ближники. Ну а тут дворы имеют, хозяйство да холопов.

— А чья же тут девка такая красивая...

— Господи Иисусе! Княжич, да что же ты все, как отрок неразумный, за девками бегаешь? Ить ты на службу приехал! Мало ли в Москве девок? Может, холопка чья.

— Нет, не холопка... уж больно горда.

— Ой, не знаю, княжич. Люди сказывают, что у Пушкарева дочери названные вельми красивы да своенравны. А все оттого, что государь к их семейству благоволит и даже обещал за них приданое дать.

— Да верно ли это?

— Люди говорят!

— И что, сватают?

— Того не знаю, а старшая уже заневестилась, так что, может, и сватают. Только ведь тут как... знатный человек стрелецких дочек не возьмет, а за простецов те сами не пойдут.

— Эва как...

Окольничий Вельяминов и впрямь был первым царским ближником и проживал вместе с государем в его палатах. Но была у него сестрица младшая. Люди сказывали, будто бы красавица она, да такая, что хоть парсуны<sup>1</sup> с нее пиши. Но не в том диво, что красива она, ибо ни в какой другой стороне нет девиц краше, чем в земле Русской. А в том диво, что была она грамоте обучена, книги читать любила, и сказывали даже, будто не только по-русски, но и по-иноземному. Оно, конечно, врут много люди, а только чем нечистый не шутит, когда Бог не смотрит?

Ради соблюдения приличий проживала девица не в царских палатах, а в братнем тереме, окруженная мамками и няньками. Брат у ней бывал почитай что каждый день, ибо любил сестру очень. Да и не было у них никого больше на всем белом свете.

— Здравствуй, Аленушка, — ласково поприветствовал сестру окольничий, заходя на ее половину.

— Здравствуй, милый братец, — отвечала она ему с поклоном.

— Каково поживаешь?

— Как в тюрьме, братец. Сижу, будто невольница в золотой клетке.

— Грех тебе такое говорить, Аленушка! — возмутился брат.

— А тебе не грех сестру будто пленницу держать? Света белого не вижу! В церковь и то с оравой надзирателей!

Выросшая в деревне Алена привыкла к свободе, совершенно необычайной для других боярских дочек. Даже после переезда в Москву она долгое время жила почти самостоятельно, пока брат был в походах с государем. Но мирная жизнь понемногу налаживалась, и вместе с миром в их дом пришел домострой<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Парсуна — тогдашнее русское название портрета, от слова «персона». — *Здесь и далее примеч. авт.*

<sup>2</sup> Домострой — свод правил в допетровской Руси.

— Вот выйдешь замуж, — отозвался привыкший к таким претензиям Никита, — заживешь полной хозяйкой. А пока не обессуди: перед людьми неудобно.

— Ты про что это? — насторожилась девушка.

— Аленушка, — брат попытался сделать голос вкрадчивым, но у него плохо получилось, — ты же знаешь, что я тебя люблю и только добра тебе желаю!

— И что?

— Князь Буйносов к тебе сватается, — вздохнул окольный, ожидая бури.

— Не пойду за него, — неожиданно спокойно сказала девушка.

— А за кого пойдешь? — нейтрально поинтересовался он.

— Сам, поди, знаешь, — усмехнулась Алена.

Медведеподобный Никита не боялся в жизни ничего. Ему приходилось идти грудью на сабли, грести веслами на галере, осадить города и самому сидеть в осаде. По большому счету он не боялся даже царя, ибо они были с ним друзьями. К тому же Иван Федорович был справедлив и ни на кого зазря опалы до сих пор не возложил. Но вот такого взгляда сестры он боялся, поскольку не мог ему противостоять.

— Женат он... — вздохнул Вельяминов и отвернулся.

— Ой ли?... — певуче протянула девушка. — И кто ту жену за морскую видел?

— Я видел. Кароль видел. Мишка Романов и тот видел!

— И где же она? — не унималась Алена. — Сколь годов государь над нами царствует, а народ не видал ни царицу, ни царевича, ни царевну...

— То государево дело, — нахмурился брат. — Не смей судить! Она сестра свейского короля, через нее у нас с ним мир.

— А я не осуждаю, — опустила глаза боярышня, — только сам знаешь — суженый он мой. Ни за кого другого не выйду, так и знай!

— Так и за него не выйдешь! Не разведется он с ней, ибо любит ее и сына с дочкой!

— За царевича с царевной слова не скажу, — не согласилась с ним девушка, — а вот за жену — это ты, братец, зря. Уважает он ее, это верно. Почитает как жену и мать своих детей. А вот любить не любит, иначе бы... сам знаешь.

— О господи! — вздохнул окольный. — Да за что же мне это все? А вот если повелю за Буйносова идти?

— Утоплюсь!

— Тьфу!

Раздосадованный Никита Иванович потоптался немного, но видя непреклонность сестры, сдался и оглядел горницу. У стены стоял завешанный кисеей станок для вышивания, на котором Алена занималась рукоделием. Отодвинув рукою занавесь, он посмотрел на вышивку, но увидев, едва не уронил хлипкое сооружение на пол. С натянутого на рамку холста на него смотрел собственной персоной государь всея Руси Иван Федорович. Причем не нынешний, в русском платье, с небольшой аккуратной бородкой, а тот прошлый, который когда-то вытащил его из-за галерного весла и взял к себе на службу. В рейтарском камзоле, с развевающимися длинными волосами и вздымающего на дыбы коня. Царский окольный сразу же узнал картину, с которой сделана вышивка, и это заставило его заскрипеть зубами. Все дело было в том, что написал ее заезжий голландский художник — дальний родственник царского розмысла<sup>1</sup> Ван Дейка. Но бояре, увидев ее, начали кривить губы, и мастер, по приказу царя, написал другой портрет. На нем Иван Федорович был в шитом золотом платне<sup>2</sup> и казанской шапке<sup>3</sup>. Волосы острижены, а лицо покрыто приличной его сану бородой. Никакого вздыбленного коня нет, а в руках скипетр и держава. В общем, все, как и положено православному государю. Вот эту картину и повесили в думном зале. А ту, что художник писал ранее, разместили во внутренних покоях царя, рядом с парсунами Катарини Свейской и детей: царевича Карла и маленькой царевны Евгении. И все бы ничего, да только в тех покоях мало кто бывал и убранство их видел.

— Аленушка, — глухо проронил заподозривший неладное брат, — голубица моя, а ты где сию парсуну видела прежде?

Промелькнувшие в голове окольного одна за другой страшные мысли, как видно, отразились на его лице, но боярышня, ничуть не испугавшись его потемневшего от еле сдерживаемого гнева лица, шагнула вперед и взяла с полки красивую книгу с медными застежками. Отстегнув их, она раскрыла страницу и показала брату картинку, точь-в-точь повторяющую и парсуну, висевшую в покоях царя, и вышитый Аленой гобелен.

---

<sup>1</sup> Розмысл — инженер.

<sup>2</sup> Платно — царский наряд из парчи, затканной золотом.

<sup>3</sup> Казанская шапка — второй по значимости венец русских царей после шапки Мономаха. Изготовлен по приказу Ивана Грозного после взятия Казани.

— А ты чего подумал, братец?

— Фух, — выдохнул Никита, — ничего не подумал, сестрица моя милая. Просто удивился; а откуда у тебя сия книга?

— Отец Игнатий принес.

Окольничий снова нахмурился. Ректор недавно созданной Славяно-греко-латинской академии отец Игнатий учил его сестру немецкому языку и латыни. Бывший иезуит в последнее время совершенно обрусел, делу просвещения юношества всячески радел и потому пользовался покровительством государя. Про книгу, написанную им, Вельяминов слышал, хотя видеть до сих пор не приходилось. Собственно, должно было быть две книги. Одна для русского читателя, а другая для иноземцев. Если бы Никита Иванович был силен в литературе, он бы знал, что немецкая версия это не что иное, как рыцарский роман, повествующий о том, как странствующий германский герцог совершил множество подвигов, в том числе и галантных, за которые простодушные, но добросердечные москвиты и избрали его своим царем. Еще в ней широкими мазками дегтя марались католики вообще и поляки в частности, изображенные совершеннейшими злодеями и варварами. Отцу Игнатию, возможно, было не очень приятно писать такое о вчерашних братьях по вере, только ведь у Ивана Федоровича не больно-то забалуешь. Особенно если вспомнить прежние прегрешения иезуита. Русскую версию написал царский духовник отец Мелентий, и она была скорее «Житием» совершенно святого человека, который только и делал, что молился и творил богоугодные дела, а если и брался за меч, то только за правое дело и напутствуемый отцами церкви. Творение отца Мелентия предназначалось для рассылки по городам и монастырям Русского царства, а труд Игнатия — в подарок властителям протестантских государств. Как сказал государь, с целью создания благоприятного имиджа. Что такое имидж, окольничий не знал, а вот что засидевшуюся в девках сестру пора выдавать замуж — понял абсолютно точно.

Спать после обеда — дело святое! А если ты с утра отстоял все положенные службы, затем едва не помер от голода, пока в трапезную подали завтрак, потом, толком не подкрепившись, заседал в думе и, наконец, с трудом дождавшись обеда, наблюдал за боярскими сварами, вместо того чтобы спокойно поесть, — так просто необходимое. Вот кто бы мог подумать восемь лет назад, что я окажусь в семнадцатом веке в теле германского принца, за которым охотится инквизиция?.. Впрочем,

поймать меня им не удалось, и я добрался до Швеции, где подружился с ее будущим королем Густавом Адольфом и так понравился его отцу, что он выдал за меня свою дочь — принцессу Катарину. Хотя в этом времени я не Иван Никитин, а Иоганн Альбрехт Мекленбургский, последний из рода Никлотичей. Между прочим, прославленный полководец, победитель датчан, поляков и всех кто под руку попадется. Просто так уж случилось, что я немного знаю о путях развития военного искусства и смог так организовать свою маленькую армию, что с ней в этом времени мало кто может совладать.

Все эти таланты так впечатлили мою венценосную родню, что они отправили меня в Россию поспособствовать избранию на московский престол младшего брата Густава Адольфа — принца Карла Филипа. Совершенно невероятным образом мне удалось преуспеть в этом начинании, но шведский принц, к несчастью, заболел и умер, а на Земском соборе царем выбрали не юного Мишу Романова, а меня. Вот ей-богу, я этого не хотел! У меня и так все неплохо складывалось, но отступить в тот момент было никак нельзя. В общем, так я и стал царем. Однако скоро выяснилось, что должность эта совсем не сахар! Увы, мне, наивному: думал, вернусь с победой, отвоевав у Сигизмунда Смоленск — укреплю свою власть настолько, что смогу избавиться от некоторых изрядно надоевших боярских рож. А также изменю хотя бы некоторые замшелые порядки, привезу жену, устрою двор на европейский манер и буду жить долго и счастливо. Ага, как бы не так.

Во-первых, моя ненаглядная Катарина Карловна наотрез отказалась менять веру. Дескать, была лютеранкой и помру ей, а если твоим новым подданным не нравится — так я не новенький талер, чтобы всем нравиться. Духовенству и продолжавшему заседать Земскому собору все это, естественно, не по нутру, а потому драгоценная моя супружница продолжает проживать в европах, где твердо правит моим княжеством и воспитывает наших детей. Ну да, детей, последний мой визит в Стокгольм, когда я подобно заправскому барышнику выменял у Густава Адольфа Ригу на Новгород, имел то последствие, что старшая сестра моего венценосного приятеля родила очаровательную, как все говорят, дочку. О том, какие у меня мысли по поводу ее имени, разумеется, никто и не подумал спросить, так что малышку нарекли Евгенией и крестили в лютеранской вере. Поскольку пределов Руси я с тех пор не покидал, то маленькую принцессу Евгению еще не видел. Спасибо хоть портрет прислали.

Во-вторых, власть моя хоть и окрепла, а верноподданные неустанно благодарят Всевышнего за то, что он ниспослал им такого правителя, как мое величество, до абсолютной ей — как до луны. Все мои действия связаны очень крепкой, но при этом невидимой паутиной. Избавиться от очередной надоевшей боярской рожи, конечно, можно. Но лучше всего это сделать, отправив его на кормление в богатый город. Нет, можно, конечно, и в опалу, но тогда вся его родня будет постоянно нудить, чтобы простил. А если не простить, обидятся и начнут строить козни. Так что легче — на кормление. Но, с одной стороны, городов на эту ораву не напасешься, а с другой — он ведь там все разорит к едрене фене! Причем полбеды, если просто воровать будет. Это практически в порядке вещей, недаром управление городами и носит название «кормление». Так нет же, может просто испортить все, до чего дотянется.

И, в-третьих (по порядку, но не по значению) — обычаи. Распроклятые освященные временем обычаи! Что значит — царь-батюшка желает устроить театр? Мы Москва — Третий Рим, у нас так не принято! Как это — в Мекленбурге знатные господа ездят ко двору на приемы с женами и дочерьми? Да господь с тобой, кормилец! В неметчине хоть верхом на них езди, а тут мы баб своих будем взаперти в теремах держать. А то еще сглазят их, чего доброго! Единственная отрада — ездить иногда в Кукуй к Лизхен. В принципе бояре знают, что я туда мотаюсь, но поскольку делаю это тайком — закрывают глаза. Правда, моя Лиза уже тоже не та робкая и наивная девочка, воспитанница Анны. Бывшая маркитантка раздобрела, обзавелась домом и трактиром при нем. Скопила немало денег и дает их в рост под большие проценты. Таких недоумков, чтобы отказались возвращать, еще не было, так что бизнес идет в гору. За муж я ее сам выдал, когда она в первый раз забеременела. Нашелся среди наемников один начисто лишенный щепетильности субъект по имени Курт Лямке. Вправду сказать, Лизхен выбрала его сама. Говорят, он во время одного из сражений начисто лишился возможности иметь детей. Так это или не так, я проверять не стал, но моя маленькая маркитантка теперь замужняя фрау, ну и мне от всего этого как-то спокойней. Муж ее занимается трактиром, дело ведет старательно, разве что напиивается каждый вечер, что, учитывая его ситуацию, совершенно неудивительно. Но это уже не мое дело, я тут вроде как и ни при чем, у них своя жизнь, у меня своя, просто маленькая Марта Лямке со временем получит хорошее приданое. Что «некрасиво»? Ну уж как есть.

Выспаться своему царю на сей раз не дали, поскольку из Смоленска прискакал гонец с какой-то важной вестью и незнано как проперся через все кордоны до моих покоев. Сколько раз говорено, что, прежде чем попасть пред мои светлы очи, гонца надобно проверить, депешу прочесть, а то были, знаете ли, случаи... Нет, как об землю горох, написано «царю», значит — царю! Ох, чую, зарежут меня бедного через ваше нерадение! Правда, тут я перегибаю палку. В соседней горнице вповалку лежат мои спальники. Они и придворные, они и последний рубеж обороны в случае чего. Правда, у них, обормотов, прямая обязанность — охранять мой сон, а не... Нет, ну вот как у людей получается говорить шепотом и одновременно басом?

— Эй, вы, чего там стряслось?

— Ой, а ты не спишь, царь-батюшка!.. А мы-то тут твой покой храним, глаз не смыкая...

— Так это ты с открытыми глазами так храпел, идол?

— А тут гонец, от князя Прозоровского из Смоленска...

— И что пишет?

Гонец — молодой крепкий парень с запыленным лицом — делает шаг вперед и, сняв шапку, падает в ноги. Вот еще обычай, который меня откровенно бесит!

— Государь, королевич Владислав прибыл в Литву и собирает войско.

Новость эта хоть и неприятная, но нельзя сказать чтобы неожиданная. Мой драгоценный родственничек все это время плакался, что какой-то мекленбургский выскочка лишил его законного московского престола. Радные паны до поры до времени отнекивались, потому как врагов у Речи Посполитой и без того много, а денег как раз мало, но как ни крути, а королевич прав. Семибоярщина его в свое время пригласила на царствие, а в том, что не срослось — немалая доля моей вины. К тому же в Польше и Литве у меня много, скажем так, поклонников, желающих свести счеты.

— Долго скакал?

— Три дня, государь.

Три дня — это быстро, хотя и не рекорд. Но, в общем, человек старался.

— Зовут как?

— Истома Гуляев.

— Вот что, Истома: за службу тебе жалую полтину, а сейчас ступай отдыхать. А вы собирайте Боярскую думу, раз уж такое дело... Что значит «спят»? Я же не сплю!

Вид помятых и заспанных бояр, с кряхтением и оханьем рассаживающихся на лавках, немного утешил меня, и я, устроившись на троне поудобнее, смотрю на них почти ласково.

— Ну что, бояре, будем делать? — спрашиваю, едва дьяк закончил читать привезенную гонцом весть.

— Да чего тут делать, государь, — степенно отвечает Черкасский, — все уж сделано. Литва более десяти тысяч войска не выставит, а ляхам надобно границу с турками охранять. А у смоленского воеводы Семена Прозоровского восемь тысяч ратников, да наряд справный, да за крепкими стенами. Бог даст, отобьется!

Дмитрий Мамстрюкович знает, о чем говорит. Именно он был до последнего времени смоленским воеводой, и укреплялся город под его руководством.

— А если Владислав обойдет город стороной да и двинется напрямиком на Москву?

Черкасский на минуту задумывается, а потом, решительно взмахнув рукой, говорит, как рубит:

— Нет, все лучшие ляшские войска Ригу осаждают, не хватит у них сил и там и сям воевать!

Остальные бояре лишь трясут бородами, соглашаясь с прославленным полководцем. К тому же он самый знатный из них всех и потому имеет право первым держать голос. Если бы говорить начал Вельяминов, то косоротились бы, а так все нормально. Кстати, а где Никиту нечистый носит?

— Ты, князь Дмитрий Мамстрюкович, все верно говоришь, — поднимается со своей лавки Иван Никитич Романов, — а только как быть, если с королевичем запорожцы пойдут?

Вопрос больной. Именно казаки были главной силой многочисленных самозванцев во время Смуты, и если они в очередной раз поднимутся, то поляки получают тысяч двадцать искушенных в боях и грабежах воинов. С таким воинством королевич запросто сможет блокировать Смоленск и двинуться на Москву. Взять-то он ее вряд ли сможет, я все это время зря не сидел, но разорения нанесет столько, что и представить себе трудно. А ведь земля только-только отходить начала после Смутного времени...

— Государь, — встал еще один боярин, князь Данило Мезецкий, — казаки запорожские, конечно, та еще сарынь<sup>1</sup>, и вре-

---

<sup>1</sup> Сарынь — то же, что и сволочь.

да от них много было, да и еще будет, но только мы им немало остротки задали, и не пойдут они на сей раз. Как говорят у них на Сечи — с Иваном Мекленбургским воевать дураков нет!

— Это тебе сам Сагайдачный сказал? — нейтральным голо- сом интересуюсь у попытавшегося польстить мне князя.

— И не только он, — не смущается боярин, ездивший с дипломатической миссией в те края, — а и другие атаманы. Яшка Бородавка, к примеру.

— Не гневайся, государь; и ты, князь Данило, — невесть откуда появляется наконец Никита Вельяминов, — да только нет у меня веры воровским казакам. Пообещают им добычу знатную — и эти христородавцы не то что под знамена католиков, а под бунчуки султана турецкого станут.

— Это верно, — сокрушенно вздыхает Мезецкий, — да только откуда у нас добыча? Разорены мы, босы и наги.

От одетого в богатую ферязь боярина это заявление звучит немного комично, но в главном он прав. Все что казаки могли на Руси украсть, уже украли.

— Ладно, бояре, — подытоживаю я, — раз ни у кого больше никаких мыслей нет, то расходитесь. Но вы все же обдумайте, авось чего-либо надумаете.

Бояре, кряхтя и охая, начинают расходиться, и только избранные, так называемый малый круг, через малое время собираются в моем кабинете. Самый старший из них по возрасту — Иван Никитич Романов. Он же самый знатный, потому как принадлежит к старомосковской знати. Во время выборов царя он был сторонником моего безвременно умершего шурина, а после его смерти стал моим. Находящегося в плену у поляков брата Филарета он недолюбливает и даже побаивается, и в этом смысле он самый верный мой сторонник.

— Развлекаешься, государь? — скупой улыбаясь, спрашивает он, намекая на прошедшее только что заседание Боярской думы.

— А вот нечего было царя будить, — отвечаю с самым невинным видом. — Что нового-то?

— Да ничего покуда, — пожимает плечами старший судья недавно созданного приказа Тайных дел. — Разве что собирались недавно Лыковы да Плещеевы, и еще кое-кто, да толковали о семейных делах твоих.

Услышанное мне совсем не понравилось. Благоверная моя Катарина Карловна своим нежеланием менять веру подложила мне изрядную свинью. Теперь у моих «верноподданных» поя-

вился лишний повод шушукаться по углам, гадая, не станет ли наследником царского престола неизвестно где выросший и непонятной веры царевич. То, что я собираюсь всех этих болтунов пережить и посему их это не касается, бояре как-то в расчет не принимают.

— Ну и до чего договорились? — хмуро спрашиваю, против своей воли представляя, как старшему Лыкову отрезают язык.

— Да как тебе сказать, государь... — пожимает плечами Иван Никитич, — сказывали, что кабы ты с царицей Катериной развелся да женился на православной девице, так у тебя и наследник бы законный появился. Которого бы вся Русь приняла — от боярства и духовенства до черного люда.

— Эвон как... и невесту мне, поди, уже подобрали? — поражаюсь я наглости заговорщиков.

— Не понял ты, государь, — мотает головой Романов, — они считают, что это укрепило бы твою власть, и хотят сего не допустить!

— Тьфу ты, пропасть! — в сердцах сплевываю я. — Больно надо мне... Не собираюсь я с Катариной разводиться. Никуда она не денется: покочевряжится еще немного, да и приедет с детьми. Мне Густав Адольф обещал, что вскоре увижу и ее, и Карлушку с Женей.

Когда я говорю о своих детях, голос мой сам собой становится мечтательным. В последнее время нередко замечаю в себе не слишком свойственное мне ранее чадолюбие. Маленькие дети вызывают у меня просто какое-то невероятное умиление, на что стали обращать внимание и мои приближенные. Но на сей раз мечты разбиваются о хмыканье сидящего в уголке Пушкарева.

— Чего хмыкаешь, кровопивец? — оборачиваюсь к нему.

— Гневаться не будешь, царь-батюшка? — расплывается Анисим в умильной улыбке.

— Не буду.

— Так ты, кормилец, это уже говорил, в прошлом годе. Ой, и в позапрошлом также. Да и до того...

— Спасибо тебе, что напомнил, — хмурюсь я, понимая, что стрелецкий полуголова совершенно прав.

— Да не за что, государь, — сияет в ответ он.

— А ты что скажешь, окольный? — ищу поддержки у Вельяминова.

— А чего тут толковать, — хмурится тот, — наказать их примерно, чтобы другим неповадно было, да и дело с концом!

— Кого их?

— Дык Лыкова и прочих...

— Подожди, Никита Иванович, — не унимается Анисим, — наказать — дело нехитрое. Только думаю, что они правы.

— Чего?!

— Не гневайся, государь, раз уж обещал, — кланяется Пушкирев, — а только государыня, видать, к нам не поедет. Ну а раз такое дело, то куда деваться? У государей европейских так заведено, что можно и развестись, коли нужда есть. Ну а раз можно, то и разведись! А женишься на православной, так и будет у нас православный царевич — глядишь, еще и не один.

Первое побуждение — дать оборзевшему на моей службе стрельцу в морду, но... нельзя. Приказать казнить — можно, а своими ручками нельзя, как бы ни хотелось. Не царское это дело. К тому же замечая, что у Романова на лице застыло странное выражение.

— Ты что-то сказать хочешь, Иван Никитич?

Боярин ненадолго задумывается, шевелит губами, а потом, вздохнув, выдает:

— Не гневайся, государь, а только Аниська прав. Оно, конечно, не его холопского ума дело — про царскую семью толковать, а все же будь у тебя православная жена, да еще хорошего и главное — многочисленного рода, куда как спокойнее было бы.

— Да уж, хорошо спокойствие! Тут с Польшей никак не замрится, а ты предлагаешь со шведским королем разругаться. То-то будет спокойствие и благолепие. Прямо как на погосте!

— А королю Густаву на что гневаться? Он сам царицу Екатерину Карловну обещался к тебе прислать, да все никак не пришлет. Так что пусть не взыщет. Хотя...

— Что значит «хотя»?

— Государь, не прогневайся на холопа своего, если что-то неподобное скажу по скудоумию...

— Иван Никитич, не тяни kota за хвост! Говори, что надумал.

— Если через верных людей дать знать королю и матушке-государыне, что дума и собор всея нашей земли, не видя царицы, требуют, чтобы ты с ней развелся и вдругорядь женился... нешто захочет он, чтобы сестра его потеряла венец русский?

— Ну не знаю... — поразмыслив, отвечаю я, — ты думаешь, они поверят, что мне кто-то такие условия поставить решится?

— А почему нет-то? Они наших обычаев не знают, а в империи — ты сам рассказывал — и не такое бывает.

— Верно... ну что же, боярин, хвалю: дельно мыслишь!

Романов польщенно улыбается в бороду, а я, обернувшись к Пушкареву, выразительно показываю ему кулак. Хитрый стрелец в ответ только делает жалобную рожу, дескать, каюсь, прости дурака... Я сам знаю, что после того как мы с ним плечом к плечу стояли на московских валах, отбиваясь от поляков и воровских казаков, ничего ему не сделаю, но острастку иногда давать надо.

— Что там у Корнилия?

— Совсем забыл, милостивец, — хлопает себя по голове Анисим, — разродилась Фимка его!

— Да ну?

— Ага, нынче ночью, крепкий такой мальчишка!

— Ну, хоть одна хорошая весть! Крестины когда?

— Да как прикажешь государь, так и окрестим.

— Надо бы навестить молодого отца... Все, решено, нынче же поедем да проведедем.

Известие и впрямь было радостным. Михальский перед самым походом на Смоленск женился на спасенной нами некогда девице Шерстовой и жил с молодой женой в любви и согласии. Единственное, что омрачало его семейную жизнь, это отсутствие детей. Бедной Ефимии никак не удавалось забеременеть, что окружающими однозначно трактовалось как божье неудовольствие. Конечно, в глаза сказать это царскому ближнему, прославившемуся как государев цепной пес, никто не решался, но по углам ведь шушукались! Так что когда его супруга наконец понесла, все, включая меня, восприняли это как чудо. А уж удачные роды в пору, когда чуть ли не половина младенцев рождаются мертвыми, можно и вовсе считать даром небес. Я, глядя как мой верный стольник мается, еще накануне велел ему отправляться домой и быть рядом с женой. Надо сказать, что подобное сейчас совсем не принято, но Михальский посмотрел на меня с такой благодарностью, как будто я пожаловал его немалыми вотчинами да титулом мекленбургского барона в придачу.

Вечером, едва члены Боярской думы разъехались по домам, мы с Никитой нагрянули к счастливому отцу. Жена его была еще слаба после родов, так что встречал нас сам хозяин.

— Какая честь, государь! — низко поклонился он, выходя навстречу.

— Да ладно тебе, — хмыкнул я, — вроде не в первый раз пожаловал.

Корнилий в ответ скупно улыбається, вспомнив, очевидно, как после смоленского похода я у него неделю куролесил, появляясь в кремле только на самых важных церемониях.

— На-ка вот тебе просфор царских, отдашь жене, пусть поправляется, — протягиваю счастливому отцу небольшой тусок с квасными хлебцами.

Говоря по совести, я бы о них и не подумал, но мой духовник отец Мелентий напомнил. Царские просфоры, освященные митрополитом, в этом, бедном на фармацевтов времени считаются чуть ли не панацеей, не говоря уж о том, что такой чести мало кто удостоивается. Стольник, с радостью приняв подарок, кланяется, не устывая благодарить, а я протягиваю еще один — искусно вырезанную из моржовой кости фигурку единорога. Вещь довольно ценная, к тому же вроде как игрушка для маленького. Ну и от сглаза, по поверьям, защищает. Михальский явно растроган, а я продолжаю:

— Ну а что, чарку царю нальют, чтобы ножки обмыть?

Через минуту мы уже сидим за богато накрытым столом, и хозяин сам разливает пенный мед по кубкам, после чего, дружно стукнув ими, выпиваем за Михальского-младшего.

— Не откажи, государь, — начинает Корнилий, — в еще одной чести...

— Дитя крестить? — усмехаюсь понятно. — Это уж само собой, друг ситный. Только не затягивай с этим делом.

— Служба есть? — подбирается на глазах мой бывший телохранитель.

— Ага, королевич в Литве войско собирает... да ты седи, куда подхватился-то? Сегодня — гуляем.

— Как прикажешь...

— Вот так и прикажу. Делу время — потехе час. Как назвать первенца думаешь?

— Андже... — начинает литвин и тут же поправляется: — Ан-дрем.

— Хорошее имя. Только еще и куму мне хорошую подбери.

— Постараюсь, — скупно улыбається Корнилий.

В этот момент в горницу вбегает девочка-подросток. Вообще это не положено, но нравы у Михальского в доме почти польские, да и вошедшая не кто иная, как приемная дочь Пушкарева — Марья. Как видно, они с матерью и сестрой навещали соседку, а теперь юная егоза влетела к нам. Характер у девчонки бойкий от природы, а благодаря моему покровительству она вообще никого не боится.

— Здравствуй, государь, — певуче произносит она, лукаво улыбаясь.

— А поцеловать? — наклоняю голову я, и Марьюшка с визгом бросается мне на шею.

Ей уже двенадцать лет, и она со временем наверняка станет настоящей красавицей, как и ее родная мать. Тайну происхождения стрелецкой дочери никто не знает, кроме ее приемной матери, меня и верного Корнилия, поэтому мое покровительство многих изумляет. Впрочем, поводов для изумления я и без того даю своим подданным достаточно, так что одним больше, одним меньше...

— Как поживаешь?

— Благодарствую, царь-батюшка, все благополучно, — пытается она быть степенной, но тут же сбрасывает с себя чинность и непосредственно заявляет: — А мы маленького видели!

— Кто это «мы»?

— Я, Глаша и матушка.

— Вон как, а я вот Глафиру с мамой твоей давно не видал. Здоровы ли?

— Здоровы, что им сделается! — беспечно смеется Машка, не обращая внимания на строгий взгляд отчима.

Авдотье брак с Пушкаревым и вправду пошел на пользу. За прошедшие шесть лет она раздобрела и родила стрелецкому полуголове еще двух дочерей и долгожданного сына. Так что неудивительно, что ее позвали к роженице. О родах и детях она знает все. А вот, кстати, и они.

— Ой, Марья!.. — всплескивает руками мать, видя, что она устроилась подле меня. — Здравствуй на многие лета, царь-батюшка, спасибо тебе, что не гневаешься на нашу дурочку!

— И вовсе я не дурочка! — вспыхивает дочь. — Я и грамоту лучше Глаши знаю, и счет!

— Не гневи бога, Авдотья, — защищаю я свою любимицу, — дочери у тебя и умницы и красавицы. Старшая, смотрю, совсем невеста?

— Спасибо на добром слове, государь, — кланяется стрельчиха, — твоя правда — совсем взрослая Глафира стала, пора и замуж.

Чертыхаюсь про себя: опять ляпнул не подумав... По нынешним понятиям пятнадцатилетняя Глаша вполне себе невеста. Еще воспримут мои слова как руководство к действию и выдадут девчонку, а ей бы еще в куклы играть...

— Правда, не сватают покуда, — скорбно вздыхает мать, — видать, так и останется старой девой.

Тихая и застенчивая, в отличие от Машки, Глафира стоит рядом с матерью, опустив очи долу и только краснеет, слушая нас с Авдотьей.

— Ну, это ты зря, такая не засидится, — оглядываю я засмущавшуюся девицу, — так что не стоит торопиться. Найдем ей еще жениха, молодого да пригожего.

— А мне? — восклицает Марьюшка, вызвав всеобщий смех.

— И тебе, куда же деваться, — смеюсь я вместе со всеми, — хочешь — боярина, хочешь — князя.

— Принца хочу, — не задумываясь, заявляет юная оторва, добавив еще веселья присутствующим.

— Да на что он тебе нужен? Я и сам когда-то был принцем, так что могу тебе сказать, что женихи из принцев — не самые лучшие. Вечно где-то пропадают, воюют, по морю плавают, а принцессы сидят дома, ждут их и плачут.

— Вот еще — дома сидеть да плакать! Я с ним путешествовать буду, чтобы он в чужих краях от рук не отбился!

— Да уж, я вижу, что кому-то кислица снится; может быть, даже и принцу. Ладно, Марьюшка, подрастай пока, а там посмотрим.

Тем временем Корнилий снова наполнил кубки, и, дождавшись, когда все присутствующие выпьют за здоровье его наследника, тихонько спросил:

— Мне сопровождать вас?

— Куда это?

— Разве ваше величество не посетит сегодня Кукуй?

— Сам доберусь.

— Это может быть опасно.

— А кто мне хвастался, что всех татей переловил?

— Государь, я вовсе не разбойников опасуюсь. Среди ваших бояр достаточно людей, способных на любую подлость. Вспомните Салтыковых.

— Да, были люди, не то, что нынешние.

— Прошу прощения, что вы сказали?

— Помельчал, говорю, народ, ладно прикажи седлать коней.

Кукуй, или Немецкая слобода, успел изрядно разрастись за время моего царствования. По сути это город в городе, маленький осколок протестантской Европы в центре православной столицы. В нем есть своя ратуша, лютеранская кирха и даже

школа, в которую ходят дети местных немцев. От остальной Москвы он огорожен высоким тыном, а на воротах стоят часовые из Мекленбургского полка. Собственно, сам полк располагается тут же. Многие мои солдаты обзавелись семьями и живут в своих домах. Другие, отслужив, вернулись домой, и их рассказы о необычайных приключениях в заснеженной России и моей щедрости к своим солдатам послужили тому, что поток желающих стать под знамена герцога-странника не иссякает. Вот и сегодня в карауле стоит новичок, с опаской взирающий на сопровождающую меня кавалькаду, но его более опытный товарищ привычно салютует мне ружьем и приказывает тому поднять перекрывающий путь шлагбаум.

— Здравствуй, Михель, — приветствую я часового, — как поживаешь?

— Милостью вашего величества, недурно.

— Я слышал, что ты собираешься вернуться в Шверин?

— Только для того, чтобы жениться и вернуться с семьей сюда.

— Вот как, и невеста есть на примете?

— За этим дело не станет. Ваши солдаты — завидные женихи, мой кайзер.

— Тогда зачем тебе куда-то ехать, чем тебя русские девушки не устраивают?

— О, меня-то — всем, но вот пастор не станет венчать меня с православной, а если я уговорю ее принять нашу веру, сразу прибежит ваш капеллан Мелентий и будет такой скандал, что мало не покажется.

— Ну как знаешь; впрочем, если хочешь, я замолвлю за тебя словечко полковнику, чтобы он послал тебя вместе с очередным посольством.

— Благодарю, мой кайзер, это было бы чудесно!

Договорив с солдатом, я тронул каблуками бока своего коня и поскакал напрямиком к трактиру, принадлежащему Лизхен. А молодой часовой опустил шлагбаум и с немалым изумлением спросил Михеля:

— Это и впрямь был русский царь?

— Ты же слышал, как я его назвал.

— Да, но он так запросто с тобой разговаривал...

— Что ты в этом понимаешь, молокосос, я нанялся к нему, еще когда его величество был лишь герцогом, и участвовал во всех данных им сражениях. Таких, как я, — он помнит!

Трактир Лизхен называется «Большая телега». Это довольно странное название пошло от их первого со старым Фрицем фургона, с которого они вели торговлю. Да, совсем забыл: Фридрих живет с Лизой на правах дядюшки. В большом зале сегодня не слишком многолюдно: несколько солдат и местных бургеров сидят за столами и дуют пиво. Обычно я со своими людьми занимаю отдельный кабинет, но сегодня сажусь за ближайший свободный стол и машу рукой присутствующим в знак приветствия. Те привстают с места и кланяются, но вообще вид царя, закатившегося в трактир, никакого ажиотажа не вызывает, привыкли. Нравы в Кукуе довольно простые.

— Господа желают пива? — немного заплетающимся голосом спрашивает Курт. — Сегодня хорошее пиво!

— У тебя всегда хорошее пиво, Лямке, — отвечает ему Корнилий, — так что вели принести всем по кружке.

— Ирма, бездельница! — командует тот. — Живо обслужи господ!

Однако дебелая служанка и без того уже спешит, держа в каждой руке по три кружки с пенистым напитком.

— Пожалуйста, господа, — расставляет она их, радостно улыбаясь и наклоняясь при этом так, чтобы все видели декольте с весьма увесистыми достоинствами.

— Я смотрю, ты все хорошеешь, красотка?

— Скажете тоже, мой кайзер. — Улыбка служанки переходит в оскал.

Сказать по правде, Ирма не то чтобы безобразна, но, скажем так, очень на любителя. Последних, впрочем, благодаря ее выдающимся достоинствам, хоть отбавляй. Была бы она поумнее — давно бы вышла замуж за кого-нибудь из рейтар или драгун и жила бы хозяйкой, но беда в том, что девушка — полная дура, и подобная перспектива просто не приходит ей в голову. При всем этом она услужлива, старательна и чистоплотна, поэтому Лизхен и держит ее на службе. Ну, наверное, еще и потому, что мне такие не нравятся.

— Хватит лясы точить, бездельница, — прикрикивает на нее Курт, — иди работать!

— Какие новости, Лямке? — прерываю я трактирщика.

— Ну какие тут могут быть новости, мой кайзер, — пожимает плечами тот. — Разве что Джон Лермонт поспорил с Финеганом, и дело непременно дошло бы до дуэли, если бы не вмешался господин фон Гершов и не услал этого чертова шотландца на засечные линии с эскадроном драгун.

- Так, значит, полковник со всем разобрался?
- Да уж, у господина барона не забалуешь.
- А кто это Финеган — никогда прежде не слышал этого имени, вероятно, новый наемник из англичан?
- Нет, ваше величество, это один из подручных Барлоу, и он, кажется, ирландец.
- Барлоу... а он в Москве?
- Нет, про него ничего не слышно, прислал вот вместо себя этого прохвоста.
- И что за человек этот Финеган?
- Свинья, как и все островитяне.
- Он сейчас здесь?
- Нет, после истории с Лермонтом он носу из своей конторы не показывает. Впрочем, если прикажете, я могу послать за ним.
- Нет... во всяком случае, не сейчас.
- Как скажете. Если вашему величеству ничего больше не нужно...
- Спасибо, Курт, больше ничего.

Трактирщик уходит, печатая шаг так, что всякому становится понятно, что он изрядно перебрал, а я, оставив недопитую кружку, поднимаюсь наверх. Лизхен, как видно, предупредили о моем приезде, и она успела принарядиться сама и расчесать локоны дочке. Увидев меня, маленькая Марта прячется за подол матери и осторожно выглядывает из-за него. Странно, обычно я лажу с детьми, а вот дочка почему-то дичится.

— Не сердитесь на нее, ваше величество, — извиняющимся тоном говорит ее мать, — вы не слишком часто у нас бываете, и она никак не привыкнет.

— Что ты говоришь, Лиза, разве я могу на вас сердиться? Здравствуй.

Вообще-то высказанная обвиняком претензия неосновательна. Бываю я здесь довольно-таки регулярно, подарки привожу, материальную помощь оказываю, а что до прочего... извини, подруга, но цари не женятся на маркитантках даже в сказках.

— Здравствуйте, мой кайзер, как хорошо, что вы нашли время навестить нас. Вы голодны?

— В определенном смысле — да!

Мои слова прерывает осторожное кряхтенье Фридриха за углом, очевидно, опасавшегося помешать нам.

— Где ты прячешься, старина?

— Я здесь, мой кайзер, — отвечает тот, заходя в комнату и опираясь при этом на палку.

Старый Фриц сильно сдал за это время. Глаз уже не тот, руки дрожат, ноги болят. Старику давно пора на покой, но живость характера бывший ландскнехт не растерял, как и желание служить. Приезда Катарины он ждет как бы не больше меня, в надежде, что осуществится его заветная мечта и он станет воспитателем принца Карла, послужив таким образом трем поколениям Никлотичей. Пока же он нянчит маленькую Марту, в которой души не чаёт. Малышка зовет старика дедушкой и отвечает ему искренней приязнью, так что я иной раз даже ревную.

— Как поживаешь, старый солдат?

— Недурно, Иоганн, разве что немного скучно.

— Скучно, говоришь... да, ты нашел подходящее слово, старина.

— Ну, вам-то, наверное, веселее в ваших палатах?

— Черта с два, я скоро завою от этого веселья. Молебны, дума, боярские рожи...

— Вам надо начать какую-нибудь войну, мой господин. Вы не созданы для спокойной жизни. Говоря по совести, я удивляюсь тому, что вы не сорвались в поход или еще какое рискованное предприятие.

— Войну... — хмыкаю я, — да ведь она и без того идет уже черт знает сколько времени.

— Разве это война? Нет, с вашим характером надо ввязаться во что-то более серьезное. С крымским ханом, к примеру, или даже самим султаном.

— Ты шутишь? Этого мне еще не хватало!

— Ничуть, у вас ведь всегда так — ввяжетесь в переделку, и только потом думаете, как из нее выбраться.

Пока мы беседовали, Лизхен увела Марту и уложила спать. Затем, появившись с дверном проеме, изобразила на лице такое томление, что Фриц сразу засобирился. Едва старик вышел, стуча палкой, она проскользнула ко мне и, обвив шею руками, жарко зашептала на ухо:

— Я так соскучилась по вам, Иоганн!..

— Ну, хоть кто-то...

— Вы так жестоки к своей верной Лизхен!

— Разве? Мне всегда казалось, что я до крайности добрый господин.

Но бывшая маркитантка, а теперь трактирщица, не слушает меня и ловко расстегивает пуговицы на кафтане. Не выдержав

напора, я подхватываю ее на руки и несу к кровати. Детали туалета одна за другой летят на пол, и скоро мы сливаемся в объятиях...

— Иоганн, а о чем вы говорили с Фридрихом, пока меня не было? — спрашивает Лиза, едва мы утолили первую страсть.

— О разных пустяках, моя прелесть.

— Держу пари, что этот пустяк — приезд вашей жены.

— Вовсе нет, с чего ты взяла?

— Ну, все вокруг знают, что он ждет этого больше, чем вечного блаженства.

— Тебя это не должно волновать.

— Я беспокоюсь о дочери.

— В этом нет никакой нужды. Малышке Марте ничего не угрожает.

— А если бы у нас родился сын?

— Ну, этим и сейчас не поздно заняться, — смеюсь я и закрываю ей рот поцелуем.

Несколько позже, когда утомленная ласками Лизхен уснула, я осторожно выскользываю из постели и, торопливо одевшись, спускаюсь в зал. В нем темно и тихо, если не считать храпа Курта и моих сопровождающих. Черт бы вас побрал, засони; а где же Корнилий?

— Я здесь, государь... — Шепот непонятно откуда взявшегося Михальского заставляет меня вздрогнуть.

— Нам пора!

— Как прикажете, сейчас я подниму людей.

— Хорошо, только поторопись.

Через несколько минут копыта наших коней дробно стучат по бревенчатому мостовому Москвы. Улицы поменьше на ночь перекрываются рогатками, но по главным всю ночь разъезжают конные дозоры, берегущие покой столицы, и мы почти безостановочно движемся к Стрелецкой слободе, лишь изредка задерживаясь у застав. Впрочем, стольника Корнилия знают все, и стоит ему показаться, как нас беспрепятственно пропускают, после чего мы скачем дальше.

Стрельцы, пропустившие кавалькаду, тишком крестятся и настороженно провожают ее взглядами.

— Куды это его, ирода, ночью носило?.. — бормочет один из них, заросший черной бородой.

— По службе, видать, — нехотя отзывается второй.

— Знаем мы его службу, — не унимается чернобородый, — православных христиан на дыбу тянуть да примучивать.

— Уймись, Семен, — строго говорит ему напарник, — стольник Михальский государеву службу справляет!

— Государеву, — едва не сплевывает тот, — стоило с латинянами биться, чтобы себе на шею иноземца посадить!

— Ты чего, ополоумел? Ивана Федоровича соборно избрали за храбрость и приверженность православной вере! К тому же, Семка, что-то я не припомню тебя в ополчении.

— Он-то, может, и православный, — упрямо гнет свое стрелец, — а вот жена и дети у него какой веры? Это же надо до такого бесстыдства дойти, чтобы в церквях царевича Карла поминать!

— Не твоего ума дело, — уже не так уверенно возражает ему товарищ, — вот приедет царица с царевичем — и примут истинную веру.

— Пять годов не могли, а тут вдруг примут?

— Семен, — не выдерживает тот, — Христом Богом тебя молю, не веди при мне таковых разговоров! Ить это измена!

— А то что, — злобно щерится чернобородый, — сотенному донесешь?

— Не прекратишь, так и донесу!

— Ладно, не сердчай, — через некоторое время примирительно говорит Семен, — я разве о своей корысти пекусь? Я за веру православную радею.

— Потому и не донес до сих пор, — вздыхает второй стрелец, — всем хорош государь Иван Федорович, да вот с женой у него неладно получилось. Только ты все же разговоры эти брось!

— Да бросил уже.

— Ну, вот и хорошо, вот и ладно!

А разговоры такие по Москве шли не только между простыми стрельцами да черным людом, а и среди бояр. Многим, ой многим Иван Федорович не по нутру пришелся. Да и то сказать — всем сразу хорош не будешь, но в том-то и дело, что новый царь всем-то понравиться и не старался. Опору он искал не в старинных родах, хотя и их от себя не отталкивал, а в людях простых, иной раз подлого происхождения, выдвинувшихся в Смуту. А легко ли родовитым видеть рядом с собой вчерашних подьячих или, того хуже — земских старост, а то и вовсе незнамо откуда взявшихся? Впрочем, такие люди, как Черкасский или Романов с Шереметьевым занимали первые места согласно своему происхождению, и государя, по крайней мере внешне,

поддерживали, а если и были чем недовольны, то виду не подавали. Так что вождем недовольных сам собою стал один из бывших членов Семибоярщины князь Борис Михайлович Лыков. Зять пленного тушинского патриарха Филарета надеялся в случае выбора Михаила закрепить свое положение, но не тут-то было. Казаков, на подкуп которых он и другие сторонники Романовых потратили целую гору серебра, разогнал проклятый мекленбургский пришелец, и участники собора именно его и выбрали царем. Испуганные чуть было не случившейся бойней Лыковы и иже с ними сидели тогда тише воды и ниже травы.

Была, правда, надежда, что новоявленный царь, неосторожно пообещавший вернуть Смоленск и Новгород, сломает где-нибудь себе шею. Однако ушлый герцог и тут не оплошал и за месяц взял город, под которым король Жигимонт стоял два года. И со своим шурином, свейским королем, насчет Новгорода полюбовно договорился, взяв для него богатый город Ригу и втавив заодно родственника в долгую войну с ляхами. Но хуже всего, что за этот поход партия стоящих за Романовых бояр едва не лишились своего претендента на престол. Нет, Михаил свет Федорович был, слава тебе, господи, жив и здоров, да только.... Все же колдун он, этот королевич заморский, коего они на погильбель себе царем выбрали. Привораживает он людей, что ли?

Началось все, когда инокиня Марфа на свою голову выпросила у государя службу для своего чадушки. Тот, конечно, уважил, да и взял новика себе в рынды, и в поход с ним ушел. А как вернулся Мишка с войны, так будто подменили! Родных не слушает, Ивану Мекленбургскому... тьфу, имя-то бесовское, служит верно. Женился вот еще на безродной. Ну вот кто такие Лемешевы супротив Романовых? Добро бы хоть богатые, так ведь нет — голь перекатная! Старица Марфа даже царю в ноги кидалась: «Не допусти, надежда, бесчестия!» Да куда там — ему, аспиду, того и надо. Сказал: «С такой опекой тебе в жизни внуков не дожидаться, а коли любя ему девка, так пусть и женится!»

Князь Борис Михайлович Лыков смотрел на своего племянника с видом крайнего неудовольствия. Вот же не дал бог разума детинушке, а ведь мы его в цари прочили! Нет бы слушать, чего тебе умные люди советуют, да честь дедовскую блюсти, но куда там — все у него через одно место. И вот теперь стоит, набычившись, словно телок на бойне, и твердит свое. И ведь дело-то пустое совсем. Приехал на службу верстаться дальний родственник Лыковых княжич Дмитрий Щербатов, а ему ука-

зали идти в царские драгуны. Ну где такое видано, чтобы княжеского рода, пусть и захиревшего, да в драгуны? Оно, конечно, батюшка его дров наломал сразу, не признав нового царя, и через то в опалу попал, но ведь надо и меру знать! А Мишка у Ивана Федоровича в чести, мог бы и попросить, да где там...

— Дядюшка, да какое же в том бесчестие? Сколь раз говорено, что в московские чины новики писаться не будут, покуда не отслужат в рейтарах али драгунах!

— Как это какое, Миша, — ты, видать, думаешь, что дядя твой дурак дураком и ничего не знает? Всякому на Москве известно, что в драгуны поверстали жильцов, а стряпчих и выше — в рейтары да кирасиры! А Дмитрий, чай, не за печкой уродился, чтобы ему в жильцах служить!

— А кто в том виноват, что он в Разрядном приказе сказал, будто грамоте худо разумеет? И что вотчины его в запустении? В рейтарах чтобы служить, надобно коня строевого, да доспех иноземный, да хоть пару колесцовых пистолей за свой кошт. А драгуну можно и коня попроще, и ружье, пока на службе, дают! Да и мекленбургский кафтан справить — это не кирасу немецкую купить!

— Красивый кафтан, — неожиданно сказал стоящий рядом княжич.

— Тьфу ты, прости господи, — не выдержал боярин, — да при чем тут красота, когда о чести родовой речь идет?

— А я говорю, нет в том никакой порухи! Служба рыцарская, на коне, да и вообще...

— Рыцарская! А ничего, что поручиком у драгун твой дружок безродный Федька Панин?

— А капитаном — сам государь! К тому же Федор мне свояк и у Ивана Федоровича в чести. Я ему по дружбе слово замолвлю, и паче меры с Дмитрия спрашивать не будут.

— Дожились!..

Разговоры эти как обычно ни к чему не привели, и Борис Михайлович замолчал. Да и поздно уже что-то менять, и княжичу пора было отправляться на службу. Михаил вызвался его проводить, благо ему тоже нужно было в кремль по какой-то своей надобности. Старший Лыков скорбно пожал плечами и махнул рукой, дескать, езжайте. Молодые люди степенно поклонились старшему и вышли вон из горницы.

Дмитрий Щербатов был довольно рослым молодым человеком семнадцати лет от роду. Бороду по небольшим своим летам еще не носил. Из-за опалы отца последнее время жил с ним в

деревне и верстаться на службу приехал поздно. Да и то потому что добрые люди подсказали, будто затягивать с этим — себе дороже: можно и без вотчины остаться. Учить недоросля, как видно, в отцовском имении никто и не пытался, оттого, оставшись без присмотра, новик частенько попадал впросак. Вот недавно сказывали, за каким-то нечистым купил у персиянина на рынке серьги! Идущий впереди Романов, напротив, был ростом невелик и при ходьбе заметно прихрамывал. Во дворе они сели на лошадей, причем Михаила слуги подсадили, а Дмитрий легко вскочил сам.

— Поехали, что ли, — махнул рукой стольник.

Впереди них, разгоняя толпу, скакал романовский холоп, размахивая плетью, и потому до места они добрались довольно скоро, а пока ехали, Михаил наставлял молодого человека.

— Ты дядюшку уж больно-то не слушай, — говорил он Дмитрию, — он в обиде за то, что за ним государь боярство, самозванцем даденое, не сразу признал. А самое главное — языком не больно-то трепи! А то попадет не в те уши... Хотя тебе поначалу не до того будет.

— А что, Михаил Федорович, верно ли, что государь сам драгунами начальствует?

— Да нет, он у драгун да рейтар капитаном только числится, а командуют там другие люди. Ты будешь под началом Панина служить, мы с ним в смоленском походе у государя вместе в рындах были.

— А сказывали, будто он худородный!

— Ты не вздумай с ним через губу разговаривать, — строго предупредил новика Романов, — а то тебе быстро небо в овчинку покажется! Будешь исправно службу нести — и тебя пожалуют, а за нерадивость так взгреть могут...

— Что, неужто так строг?

— Нет, вот если бы ты к Михальскому попал, или к фон Гершову, тогда хлебнул бы с шила патоки!

— А кто это, фон Гершов?

— Ну ты даешь... — В недоумении царский стольник даже остановил коня. — Таких людей знать надо. Ладно, слушай меня. Который раньше назывался государев полк и верстался из московских чинов и царедворцев, теперь делится на три части. Первая — это немцы, большую часть которых Иван Федорович из своего герцогства вывез. Командует ими полковник Кароль фон Гершов. Но поскольку немцев тех мало, то и русских к

нему верстают. Но все больше из захудалых, у кого и коня-то своего нет.

— А сказывали, что таких заставляют в стрельцы идти!

— Не в стрельцы, а в солдаты! — поправил его Романов. — Слушай дальше, дойдет и до них очередь. Так вот, служить в немецких драбантах тяжело, и потому там только те, кому и деваться-то некуда. А для прочих два других полка: рейтарский да драгунский. Командует ими окольный Вельяминов, да только он при государе постоянно, а потому у рейтар всем заправляет Квашнин, а у драгун — Панин.

— А государь?

— А что государь — ему, думаешь, есть время учениями заниматься? Хотя он может, я сам видал.

— Так что же, полком твой свояк командует?

— Так там одно название, что полк. Скорее на польский лад надо хоругвью называть.

— А что так?

— Да там еще и пехотному строю учат, так что не идут туда дворяне московские.

— Да как же это — выходит, меня...

— Да помолчи ты! Государь сказывал, что будет солдатские полки заводить, а для них надо толковых офицеров, пехотный строй знающих. Так что служи прилежно, глядишь, еще в полковники выйдешь.

— А в солдаты, значит, боярских детей безлошадных?

— Всех подряд. И служилых людей обнищавших, и датошных с черных слобод. Только солдатский пока всего один батальон. Тех, кто половчее — в драбанты, а поумнее — в пушкари берут. Да вот еще у стольника Михальского хоругвь есть, но там и казаки, и татары, и, говорят, даже тати бывшие.

— А стрельцы?

— Стрельцы — то статья особая! Стремянные всегда вместе с государевым полком, а других пока мало.

— И кто же ими командует?

— Стрелецкий голова Иван Лопатин да полуголова Анисим Пушкарев; а тебе что, в стрельцы захотелось?

— Да нет, просто слышал я, будто у этого Пушкарева дочери красивые.

— Где слышал?

— Да так, люди говорили...

— Меньше слушай! Нет, Глаша-то красавица, спору нет, а вот Марья мала еще и языката паче всякой меры.

— Как это?

— Дразнится обидно, — помрачнел стольник.

Так, за беседой, они скоро оказались у ворот, где им преградили дорогу стрельцы с бердышами.

— Кто таковы и за какой надобностью? — внушительно спросил полусотник.

— Али не признал? — наклонил голову Романов.

— Тебя признал, Михаил Федорович, а товарища твоего первый раз вижу.

— Это князя Щербатова сын, на службу приехал. Драгуны здесь нынче?

— Здесь, где же им быть. Проезжайте.

— А почему «нынче»? — осторожно спросил новик, едва они миновали ворота.

— А наружные караулы всегда разных полков ратники несут, — пояснил стольник, — и заранее никто не знает, где какие стоять будут.

— От лихих людей стерегутся?

— От них... да вот и драгуны. Здравствуй, Федя!

— Какими судьбами, Миша?

— Да вот новика к тебе привел.

Княжич во все глаза смотрел на драгунского поручика, вышедшего им навстречу. В отличие от Романова, Панин был высок и статен. Безбород, лишь небольшие усы. Позднее Щербатов узнал, что носить усы — полковая традиция, отличавшая их от бородатых рейтар. Кафтан, называемый мекленбургским, как влитой сидел на нем, а на перевязи висели немецкая шпага и кинжал.

— Родственник мой дальний, — продолжал, улыбаясь, стольник, — уж не обижай.

— Да что ты, Миша, — улыбнулся в ответ Федор, — мы люди смиренные, без приказа и мухи не обидим.

Слезший с коня Дмитрий не знал, как вести себя дальше. Родом он был явно выше и потому не должен бы кланяться первым, но, с другой стороны, чином Панин его обошел, да и у драгун был начальным человеком...

— Кто таков? — прищурившись, спросил поручик.

— Княжич Дмитрий Щербатов, — приосанился новик.

— Поручик Федор Панин, — представился тот в ответ.

— Это из каких же Паниных? — осторожно поинтересовался Щербатов.

— Из костромских; а ты что, родню ищешь?

— Нет, так просто... — испугался предупрежденный Романовым княжич.

— Чего умеешь?

— Как чего? — не понял тот.

— Ну, оружием каким владеешь, грамоте учен ли?

— Так всяким — и саблей, и сулицей<sup>1</sup>...

— Ладно, завтра поглядим, а сегодня службу надобно править.

В первый день Дмитрия и впрямь ничем больше не занимали, и он проторчал в кремле, глаза по сторонам. Зато поутру, когда их сменили прискакавшие из Кукуя драбанты, поручик повел своих подчиненных за городские валы, где было устроено поле с чудным названием «плац». На нем никак не менее трех сотен одетых в одинаковые кафтаны драгун занимались учениями. Одни ходили строем, печатая шаг, другие так же, строем, выезжали лошадей. Третьи же выделывали хитрые приемы ружьями, но не стреляли, а только учились их быстро заряжать.

— Ну-ка, покажи, как на саблях бьешься, — обратился к нему поручик.

Княжич, не перечая, взялся было за висящую на поясе дедовскую саблю, но его остановили, вручив специально затупленный для такого дела палаш. Против него встал рослый капрал с таким же оружием, и по команде Панина они скрестили клинки. Противник у княжича оказался шустрым, но и Дмитрий за саблю взялся не в первый раз, и бились они почти на равных. Затем новик рубил лозу с коня, кидал сулицу, метал стрелы. Последнее упражнение, как видно, пришлось его командиру по сердцу, и он с удовольствием наблюдал, как Щербатов поражает мишени. А вот с огненным боем у него вышел конфуз. Нет, стрелять ему приходилось и раньше, да только вот прежде его украшенный серебряной насечкой самопал заряжали холопы. Сам же он от волнения перепутал очередность, и прежде закатил в ствол пулю, потом засыпал порох и лишь затем забил пыж.

— Стреляй, — как ни в чем не бывало велел ему поручик.

Щербатов прилачился и потянул пальцем крючок; кремль исправно высек искру, но выстрела не последовало. Растерянно оглянувшись, он недоуменно посмотрел на Панина.

— Пороху на полку подсыпь, — посоветовал ему тот.

Княжич обрадованно схватился за пороховницу и щедро насыпал на полку зелья. Курок снова щелкнул, порох воспламе-

---

<sup>1</sup> Сулиц а — небольшое метательное копьё, род дротика.

нился, но выстрела опять не последовало. Щербатов снова взялся за пороховницу и сыпанул еще больше.

— Господин поручик, — шепнул капрал командиру, — эдак он или глаза себе выжжет, или ружье испортит.

— Отставить! — крикнул Панин, но в этот момент случилось невероятное.

Новик не забил пыж между пулей и зарядом, и какое-то количество пороха таки просыпалось внутрь во время очередной манипуляции. Новая попытка выстрела увенчалась успехом, и неподатливое оружие все же бабахнуло. Не полностью подожженное зелье смогло лишь выплюнуть из ствола пыж, упавший в нескольких шагах от незадачливого стрелка. Оставшийся заряд воспламенился уже за пределами ствола, до смерти перепугав княжича, уронившего от испуга ружье. Наблюдавшие за этим драгуны зашлись в смехе, а Панин, подобрав ружье, укоризненно сказал:

— Почто врал, будто стрелять умеешь?

— Я умею, это самопал негодный, — насупился княжич.

— Теперь негодный, — согласился поручик, — вечером отнесешь его к мастеру, пусть починит, да за работу заплати ему. А теперь поступаешь в капральство Лопухина и с этого времени он тебе начальник. За всякий твой промах с него спрошу, так и знай.

— А какого он рода?.. — пробубнил Щербатов.

— Капральского! — отрезал Панин. — А если ты службе радеть не будешь, то так простым драгуном и останешься.

— Не пойду под холопа...

Но поручик уже развернулся и, не слушая его, ушел прочь, а капрал, проводив взглядом командира, сочувственно похлопал новика по плечу и вдруг без замаха ударил кулаком под дых.

— Еще раз холопом меня назовешь — не возрадуешься.

— А кто ты?.. — задохнувшись от удара, спросил княжич.

— Капрал я твой, дурашка!

Ох и тяжкая жизнь настала у княжича с той поры! Маршировка, вольтижировка, джигитовка, учения ружейные да сабельные... Капрал, ставший ему полным господином, спуску ни в чем не давал и за всякую провинность примерно наказывал. Сечь его, правда, покуда не секли, а вот под ружьем и в караулах настоялся вдоволь. Хуже всего было то, что почти все теперь новику приходилось делать самому. Поверстанных вместе с ним двух боевых холопов определили в другое капральство, где они также постигали военную науку. Разве что вечером иной

раз тайком чистили коня своему господину да по воскресеньям — платье. Как потом выяснилось, капральства для черного люда и благородного сословия были разные, так что Лопухин и сам был из боярских детей, а потому за «холопа» осерчал недаром. К тому же нрава он был злого и всегда находил повод наказать княжича и нагрузить через это службой. Немного полегче было, когда их назначали в караул, и они, переодевшись в парадные кафтаны, дозором объезжали город, красуясь при этом на лошадях, или охраняли кремль.

Над белокаменной Москвой плыл малиновый звон колоколов. Много в стольном граде разных храмов, больших и малых. Есть и величественные златоглавые соборы, и маленькие церквушки, но во всяком храме божием непременно есть хоть малый, но колокол, пусть это даже простой кампан<sup>1</sup>. А у главных соборов стоят огромные звонницы с различными колоколами, звучащими каждый на свой лад. И искусные звонари, ценящиеся ничуть не менее грамотных переписчиков, исправно трезвонят, благовестят и клепят на них.

А еще вокруг Москвы много монастырей, в которых иноки молятся за святую Русь и ее царя. И в каждой из этих обителей я хотя бы раз в год вынужден бывать на богомолье. Это не говоря уж о дальних поездках по святым местам. Впрочем, за время царствования я приучил честных отцов<sup>2</sup>, что мой приезд — это не только щедрые пожертвования, но и очередная нагрузка на монастырскую братию. Монахи, надо сказать, вовсе не бездельники, как я себе это раньше представлял. Помимо молитв и богослужений всякий монастырь — это целое предприятие, где его обитатели не покладая рук трудятся. Разводят скотину и птицу, огородничают, бортничают, пилят лес, треплют пеньку, льют колокола и куют все — от железных сошников до сабель и бердышей. Помимо этого именно в монастырях пишут иконы, изготавливают нательные кресты и свечи и прочую утварь.

Однако их неугомонному царю всего этого мало, и он так и норовит нагрузить святые обители государственными повинностями. Собственно, перед смоленским походом именно монастырские мастера изготовили для моих войск легкую полевую артиллерию, в значительной степени обеспечив его успех. Но поход закончился, и после него мне недвусмысленно заяви-

<sup>1</sup> Кампан — малый колокол с наружным билом.

<sup>2</sup> Святыми отцами принято называть монахов в западной традиции. На Руси было принято говорить «честные отцы».

ли, что изготовление смертоносного оружия не слишком подходит для братии. Вот молиться за тебя, государь, и за твое войско, либо деньгами или еще каким припасом пожертвовать на войну — это пожалуйста, а прочее — уволь. Грех. Правда, есть у монастырей еще одна обязанность: помогать мирянам во время стихийных бедствий, кормить вдов, сирот и увечных. А тут в стране последние двадцать лет — одно сплошное стихийное бедствие.... Что же, так — значит, так. Увечных, вдов и особенно сирот у нас много, а потому извольте завести там, где до сих пор нет, монастырские школы. Сначала для лишившихся родителей, а там видно будет. Ну а чтобы воспитанники, выйдя из монастырей в мир, могли себя прокормить, учить их надо еще и ремеслу.

Отдельный разговор с Новодевичьей обителью. Великий князь Василий, отец Ивана Грозного, когда-то поставил ее в ознаменование возвращения Смоленска. Однако он ничего просто так не делал, а потому первым делом сослал в него свою жену Соломонию Сабурову и женился на Елене Глинской. Впрочем, несчастная женщина умерла прежде чем монастырь достроили, но ему, как видно, суждено было превратиться в последний приют для жен царей, царевичей и других высокопоставленных особ. Именно здесь до сих пор живет вдова Василия Шуйского — Мария Буйносова, а также мать Миши Романова — инокиня Марфа и многие другие знатные боярыни. И именно сюда я и направляюсь сегодня.

Вообще, для царя положено открывать ворота, но я человек скромный и потому, пока мой верный Корнилий тарабанит по воротам рукоятью надзака<sup>1</sup>, спешиваюсь и подхожу к калитке. Та со скрипом открывается, и показывается лицо привратника. Обычно их называют «безмолвными», но это оттого, что они, в отличие от мирян, больше молчат. Монах меня знает и смотрит немного недоуменно, но я, отстегнув шпагу от пояса, сую ее своему телохранителю и решительно шагаю внутрь. Похоже, меня ждали немного позже, и потому не готовы к встрече, но я люблю сюрпризы. Навстречу быстрым шагом идут два монаха, сопровождаемые несколькими насельницами. Монахини не успевают за рослыми мужиками и почти бегут.

— Благословите, честные отцы, ибо грешен!

Первый из подошедших, довольно старый уже священник — здешний духовник отец Назарий, торжественно воздева-

---

<sup>1</sup> Надзак — польский клевец (боевой топор).

ет руку и осеняет своего царя двуперстием. Быть духовником в придворном монастыре — непростое служение, но и Назарий человек непростой. Пока мы приветствуем друг друга, второй монах — отец Мелентий смотрит на меня со строгим видом и помалкивает. В отличие от прочих, мой духовник меня неплохо знает и потому постоянно находится настороже. Постное лицо царя-батюшки его нисколько не обманывает, но пока я ничего не отчебучил, иеромонах сохраняет спокойствие. Я тем временем интересуюсь монастырскими делами, спрашиваю, всего ли довольно насельникам. Инокнии, исправляющие послушание келаря и казначея, естественно, отвечают, что всего у них вдоль. Во время Смуты обитель была не единожды разграблена. Особенно постарались, как это ни странно, не поляки-католики, а вполне себе православные казаки Заруцкого. Впрочем, с той поры прошло немало времени, монастырь отстроился заново и окреп, тем паче что высокопоставленные обительницы, скажем так, имеют немалые возможности.

— А где досточтимая матушка игуменья?

— Али не признал, Иван Федорович? — раздается за моей спиной певучий голос.

Обернувшись, я выразительно смотрю на присутствующих. Монашки тут же вспоминают о недоделанных ими делах. Отец Назарий также находит благовидный предлог и отступает в сторону, а вот Мелентий, похоже, никуда не собирается. Ну и пусть, он наши сложные взаимоотношения знает, наверное, лучше всех. Я же внимательно смотрю на строгое и вместе с тем прекрасное лицо монахини.

— Здравствуй, Ксения Борисовна, — приветствую я дочь Годунова.

— Сколь раз тебе говорено... — вздыхает женщина, — Ольга меня теперь зовут! Инокния Ольга.

— Как скажешь... досточтимая матушка.

— Спросить чего хотел, Иван Федорович?

— Да вот заехал узнать, каково поживаешь.

— Слава Господу, все благополучно у нас.

— Уже хорошо.

— Это ты велел Авдотье девочек сюда на богомолье водить?

— Можно подумать, ты дочь видеть не рада...

— Эх, Иоанн-Иоанн, ничего-то ты не понимаешь. Инокния я теперь — Христова невеста, а ты мне мир да грехи мои забыть не даешь!

— Ты знаешь, что я про твои грехи думаю.

— Знаю. Ты что свои грехи, что чужие — таковыми не считаешь. Да только Господь-то все видит!

— Пусть смотрит.

— Не говори так!

— Не буду. С Марьей-то говорила?

— Нет. Благословила только. Ох, змей ты искуститель, а не царь православный!

— Ну вот, снова здорово! Я думал, ты с ней поговоришь да на путь истинный наставишь.

— Случилось чего? — встревоженно спросила Ксения.

— Да нет покуда, но может случиться. Уж больно своенравная девка растет. Пока маленькая, это забавно, а вот заневестится — хлебнет горя.

— Отчего это? — закручинилась игуменья.

— Разбаловали... ну ладно, я и разбаловал тоже. Сама знаешь, мои дети далеко, а Машка — рядом. Авдотья перечить и думать не смеет, а Анисим тот еще жук...

— Ты обещал ее за море увезти.

— Хоть в Стокгольме, хоть в Мекленбурге судьба у нее все равно одна — женская! Да и беспокойно в Европе скоро будет. Вон в Чехии уже запыхало.

— А от меня чего хочешь?

— Не знаю, Ксения, а только повязала нас с тобой эта девочка.

— Жалеешь, поди, что искать ее взялся?

— Нет, царевна, много есть дел, о которых жалею, а про это нет. Она мне как дочка теперь.

— Странный ты.

— Разве?

— Еще как. Роду ты высокого и престол тебе с отрочества уготован был, а ты его будто и не хотел вовсе, а потому тебе судьба, словно в наказание, другой престол дала.

— В наказание?

— А как же, тебе ведь трон в тягость! Тебе бы коня, да ветер в лицо, да саблю в руки! Ты ведь и строишь если что, так сразу смотришь, как оборонять будешь. А если ремесло или хитрость<sup>1</sup> какую заводишь, так для того, чтобы рати водить способнее. Слух прошел, будто королевич Владислав войско собирает на Москву идти... а был бы поумнее он, так сидел бы дома да не будил лиха. Потому что тебе это только и надобно и ты этого похода ждешь больше него!

<sup>1</sup> Хитрость — здесь: изобретение, усовершенствование чего-либо.

— Эко ты...

— Подожди, царь православный, не закончила я еще! Молод ты, и собой хорош, и женщины тебя любят, и ты их. Да только ни одну из них ты счастливой сделать не сможешь, и не потому, что человек ты плохой, а просто судьба у тебя такая. И коли ты добра Марии желаешь — оставь ее в покое! Пусть растет как растет, пусть не знает, кто ее родители, лучше ей так будет.

— Отчего же лучше?

— Да оттого, что близ престола — близ смерти! Я через то сколько горя приняла... и потому единственной своей дочери такой участи не желаю. Оттого и видеться с ней не хочу, и забота наша с тобой ей не нужна. Уж если Господь ее до сих пор хранил, так неужели ты в гордыни своей думаешь, что лучше с тем справишься? О детях хочешь заботиться? Так о своих побеспокойся, герцог-странник. Если бы ты хотел этого, так давно бы и жену сюда привез, и детей, и в купель их волоком затащил!..

Голос царской дочери сорвался, и она замолчала, но уже скоро справилась с волнением и закончила как ни в чем не бывало:

— Что еще посмотреть хочешь в обители нашей, государь?

— Да посмотрел уж на все, — вздохнул я, — разве что спросить хотел — прочие насельницы как поживают?

— Нечто они тебе жалоб слезных не пишут?

— Да пишут, наверное, только сама знаешь — до Бога высоко, до царя далеко. Мне иной раз и прочитать их послания недосуг.

— Так пойдя сам спроси, раз уж пришел.

Говоря о письмах высокопоставленных монахинь, я слукавил. Отказать в просьбе инокини не то чтобы ужасный грех, но... «не по понятиям», короче. Тем более что большинство из них в монастырь попали насильно. Так что их «слезницы» читаются и по возможности незамедлительно выполняются. Впрочем, ничего сверхординарного женщины не просят: пищу, одежду, разрешение иметь служанок. Вопросы в принципе житейские и требующие вмешательства высшей власти лишь в связи с высоким статусом и монашеским положением просительниц. Моя бы воля, я бы их по вотчинам разогнал, чтобы глаза не мозолили. Решить этот вопрос мог бы патриарх, но вот его-то у нас и нет. Есть томящийся в плену у поляков рязанский митрополит Филарет, которого еще при живом Гермогене нарек патриархом Тушинский вор. Надо сказать, что отец Миши Романова в ту пору всячески подчеркивал, что принял этот сан, лишь будучи не в силах противостоять насилию самозванца. Но

с тех времен утекло немало воды, и узник короля Сигизмунда рассылает по Руси грамотки, в которых жалуется на притеснения безбожных латинян и именует себя главой Русской церкви, претерпевшим за веру.

Надо сказать, что сразу после взятия Смоленска я предлагал королю Сигизмунду заключить мир и обменять пленных по принципу «всех на всех», но король и сейм отказались наотрез. Впрочем, по Филарету я нисколько не скучаю, а вот, скажем, Шеина видеть был бы рад. Но глава церкви действительно нужен, ибо дел в ней неупорот, а мне лично вмешиваться не очень удобно по многим причинам. Я уже несколько раз заводил речь о выборах нового патриарха, но и тут ничего не выгорело. Боярская верхушка и церковные иерархи встали насмерть: «Патриарх у нас есть, и другого не надо!» Среди служилого дворянства также немало бывших тушинцев, и для них Романов — свой. Но что хуже всего, Филарет отчего-то очень популярен в народе. Любят у нас страдальцев, а он и от самозванца потерпел, и от поляков, и вообще кругом пострадавший. Ну как такого не пожалеть!

Размышляя над этим, я иду и едва не натыкаюсь на инокиню Марфу. Старуха сверлит меня недобрый взглядом и нехотя склоняет голову. Мы с ней стали смертельными врагами после того, как ее драгоценный Мишенька побывал на свадьбе у Федора Панина. И ведь не со зла все получилось! Там молодому человеку приглянулась сестра невесты, о чем он имел неосторожность сказать мне. Я, наверное, тоже не от большого ума, сразу сказал, что женитьба дело хорошее и даже буду посаженым отцом на свадьбе. После чего Мишка кинулся в ноги матери просить благословения... и получил полный отлуп. Дескать, не пара она тебе, и все тут! Тут выяснился любопытный момент. Несостоявшийся царь оказался, с одной стороны, послушным сыном, а с другой — ужасно упрямым человеком, заявившим родной матушке, что в таком случае останется на всю жизнь холостяком. И вот тут я снова влез, куда меня никто не просил. Вместо того чтобы передать дело в руки Ивана Никитича Романова, который наверняка придумал бы, как решить эту проблему, мое величество приперлось к инокине Марфе и наломало там дров. Короче, устав уговаривать взбеленившуюся бабу, почему-то решившую, что этой женитьбой я пытаюсь принизить род потомков Андрея Кобылы, я заявил ей, что она тоже не от царицы Савской ведется, а потому ее дело помалкивать да внуков, коли бог пошлет, нянчить. И вообще, царь я или

не царь? Потому свадьбе быть, а вы, женщина, определитесь — мирянка вы или инокиня. В общем, все кончилось тем, что Мишка женился, а его мама переехала в монастырь. И тут случилась еще одна напасть: преставилась прежняя игуменья, и я тонко намекнул местоблюстителю патриаршего престола, что желаю на ее месте видеть Ксению Годунову. Меньше всего я тогда думал о том, чтобы кому-то досадить, но именно так все это и восприняли!

— Что, приехал порадоваться на мое горе?.. — еле слышно спросила Марфа.

— Ты сама себе горе, — вздохнул я в ответ, — не кобенилась бы, так и жила себе спокойно у сына и дочке его радовалась.

Ответом мне был лишь злобный взгляд. Слава богу, хоть не стала кричать, как в прошлый раз, о «порушенной царевне» — видимо, новая игуменья нашла способ умерить вздорность монахини. Впрочем, я уже выхожу, сделав знак Мелентию следовать за мною.

— Подайте коня честному отцу... — хмуро буркнул я Михальскому.

Иеромонах, не переча, ловко вскакивает в седло и, повинувшись новому жесту, занимает место в кавалькаде рядом со мной.

— Что скажешь, батюшка?

— А чего тебе сказать, государь, если я не ведаю, что ты хотел здесь увидеть?

— Да как тебе сказать, Мелентий... думал, нельзя ли здесь школу для девочек устроить.

— Это еще зачем? — искренне удивляется мой духовник.

— За тем, чтобы такими дурами не вырастали.

Иеромонах, вероятно, какое-то время прикидывает, кого именно я имею в виду, и осторожно говорит:

— Прости, государь, но, видно, плохой из меня духовник, если не понимаю я помыслов твоих. То, что заводишь ты школы, ремесла и полки нового строя — мне понятно. Дело это, несомненно, богоугодное. Славяно-греко-латинская академия тоже послужит торжеству православной веры и укрепит царство твое! Но баб-то зачем учить?

— Понимаешь, честной отец, детей воспитывают их матери. И если сама она темная, как инокиня Марфа, то получится у нее в лучшем случае наш Миша, а вот, к примеру, у князя Дмитрия Михайловича Пожарского матушка другого склада была, и хоть одна осталась, а учителей ему нанимала и человека толкового воспитала.